*М.А. Гулева**

«Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.)

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены механизмы изображения китайских событий в советской сатирической прессе по материалам журнала «Крокодил». Прослеживается эволюция образов «врагов» и «союзников» СССР в Китае в первые три десятилетия существования журнала, отмечаются характерные атрибуты в изображении отдельных фигур республиканского периода (Чан Кайши, Пу И и др.) и групп населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайская Республика, журнал «Крокодил», политическая карикатура, Пу И, Гоминьдан, Чан Кайши.

Деятельность центральных органов печати во все годы существования Советского Союза находилась под контролем государства и партии; это позволяет рассматривать советские газеты и журналы как источники при изучении того, в каком виде власть хотела представить разные события своему народу. Сатира как один из основных жанров периодической печати советского времени выполняла весьма многообразные функции: от информирования, просвещения и воспитания до мобилизации на борьбу с врагами и на участие в массовых кампаниях. Советская пропаганда стремилась использовать максимальное число вербальных и визуальных средств воздействия; ярчайшим среди них до повсеместного распространения телевидения,

* Гулева Мария Анатольевна, аспирант, старший преподаватель кафедры международных отношений, Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Санкт-Петербург, Россия); E-mail: mangul@mail.ru

© Гулева М.А., 2015

несомненно, являлась карикатура[1]. Главный сатирический журнал страны, «Крокодил», появившись в 1922 году, уже не переставал публиковаться до распада СССР и продолжал существовать ещё некоторое время после этого. В нём так или иначе освещались все события советской и международной жизни, представлявшиеся важными. Появление в номерах журнала и исчезновение с его страниц отдельных личностей и целых стран сигнализировало о новых направлениях политики, а построение образов, метафоричность и семиотика рисунков, общий контекст и тональность изображений позволяют судить о приоритетах массовой пропаганды.

В этом смысле самостоятельную область представляет «китайская» тема. Из-за изменений на мировой арене и в самом советском государстве в поле зрения информационных агентств попадали незападные страны, среди которых Китай зачастую занимал ведущее место. В этой статье внимание сосредоточено на периоде с появления журнала «Крокодил» до образования Китайской Народной Республики, то есть 1922–1950 годах[2]. За это время журнал обращался к происходящему в Китае более 230 раз, считая рисунки, фельетоны, заметки и иные жанры в «крокодильских» выпусках. Карикатуры, иллюстрации, шаржи и иные изобразительные формы значительно превышают по количеству текстовые: всевозможных рисунков за рассматриваемые 29 лет появилось не менее 176, тогда как в заметках китайские события упоминаются и описываются почти в три раза реже, около 60 раз (не считая идиоматических оборотов наподобие «китайская головоломка», не связанных с происходящим в

---

[1] Понятие «карикатура» имеет несколько трактовок, различающихся, в основном, определением целей и методов этого жанра. Не вступая в искусствоведческие дискуссии, данная статья следует приведённому в современном рассматриваемому периоду словаре толкованию карикатуры как изображения, характеризующегося следующими признаками: «Искажение в карикатурном <…> всегда предполагает сопоставление с нормальным образом или определённым реальным типическим или индивидуальным явлением. <…> Карикатурное изображение относится к области риторики и является типичным для дидактического стиля. <…> По своей внешней форме К[арикатура] носит несамостоятельный, замкнутый характер: эскизность, отсутствие оформления, условная чисто графическая плоскостная стилизация. Сюжетно К[арикатура] почти всегда иллюстративна, т.е. связана с сатирическим текстом, чаще остротой или анекдотом» [10, с. 224–226].

[2] Верхней границей выбран 1950, а не 1949 год, поскольку отклики в печати на образование КНР и первый год её существования представляют собой единое целое с предшествующим периодом по тематике, тональности и динамике упоминаний.

Китае, и коротких цитат в рубриках вроде «По газетным ухабам», где приводились самые нелепые опечатки из отечественной прессы и т. п.). Во всём этом изобилии можно выделить ряд тем, вызывавших особый интерес редакции, а также отметить периоды подъёма и спада интереса к этим темам в «журнале сатиры и юмора».

Почти постоянно на страницах журнала присутствует тема советско-китайских связей, помощи СССР Китаю; параллельной и зачастую более упоминаемой темой оказывается роль империалистов и буржуазно-капиталистического мира в китайских событиях. В качестве самостоятельного тематического раздела выделяется японская агрессия в Китае. Близко связанным с первыми тремя сферами становится вопрос внутриполитических дел в стране: это и классовая, национально-освободительная и революционная борьба в китайском обществе, и коммунистическое движение, и функционирование правительства, партий и группировок, и возникновение марионеточных режимов. В целом, это два крупных направления пропаганды: создание образа «союзника» и образа «врага».

Прежде чем говорить о конкретных тенденциях в каждой из этих тем, нужно отметить ряд общих свойств всех «крокодильских» публикаций по международной проблематике. Обращаясь к массовому читателю с целью создания «правильных» образов, журнал использовал богатый комплекс узнаваемых фигур и символов; политические метафоры рождали серии карикатур и фельетонов, реальные личности превращались в обобщённые типажи, а государства, напротив, сжимались до «характерных» представителей — нередко из мира природы. Неотъемлемой чертой идеологически ангажированной прессы была склонность к любым событиям применять бинарную характеристику по принципу «хорошо» и «плохо», «враги» и «союзники» СССР. Получившаяся ось координат определяла тональность почти любой зарисовки или заметки в журнале.

При всём том, есть черты, которые отличают китайские сюжеты от европейских и американских. Очевидно, что обилие перемен в послесиньхайском обществе, быстрая смена политических фигур и их курсов накладывались на трудности перевода и запоминания китайских имён для большинства сотрудников и читателей газет и журналов. Поэтому там, где в карикатурах на западные темы возникали мифологизированные Чемберлен, Пуанкаре, Маршалл, в Китае действовали более абстрактные рабочие, капиталисты, генералы, президенты. Это объясняется как спецификой обстановки и языка, так и, вероятно, ещё двумя особенностями: во-первых, своего рода ориентализмом в пропаганде, то есть восприятием Востока как некоего густонаселённого безликого целого, и, во-вторых, задачами

пропаганды, создающей стереотипы либо деперсонифицированных «чужих», либо многочисленных «друзей». Риторика, связанная с китайскими событиями, зачастую была призвана апеллировать к чувствам братства и вражды не столько к конкретным личностям (за редкими исключениями вроде Пу И и Чан Кайши), сколько к целым группам населения.

Такое восхождение от частного к общему хорошо просматривается в уже упоминавшейся тематической группе, связанной с советско-китайскими отношениями. Этот блок, который условно можно назвать «помощь советского народа Китаю», включает такие сюжеты, как деятельность советских дипломатов, дружба трудящихся, военная помощь и, наконец, единение на «светлом пути Октября». Здесь превалирует идея братства, товарищества и совместной борьбы — образ союзника. За промежуток с 1922 до 1950 года на страницах журнала появилось около 40 заметок и рисунков, относящихся к этой категории (приблизительно 16% от общего числа разного рода сообщений, связанных с Китаем, в «Крокодиле»). В их временном и тематическом распределении отчётливо прослеживаются закономерности, связанные как с положением в Китае, так и с советской внешней и внутренней политикой.

За период с 1922 по 1925 гг. публикуется более четверти всех сообщений о советском участии. Здесь возникают и дружеские шаржи на советских представителей А.А. Иоффе и Л.М. Карахана[3], и вопрос о судьбе КВЖД[4], и агитация в поддержку китайского народа[5], и одобрительные отклики на забастовочное движение в Китае[6].

Затем происходит спад, в 1926 году тема советской помощи исчезает из журнала, в 1927 году отмечаются только атака на советское консульство в Шанхае[7] и «происки империалистов» против объединённых общим врагом СССР и Китая[8]. 1928–1930 годы — время дальнейшего затихания темы советского участия в Китае, на страницах «Крокодила» оказываются только советские «обыватели», неверно судящие о характере китайских событий[9], зарапортовавшийся

---

[3] Крокодил. 1922. № 4 (16). С. 16; Там же. 1923. № 36 (66). С. 1067.

[4] Там же. 1922. № 14 (26). С. 9; Там же. 1924. № 18 (98). С. 1.

[5] Там же. 1924. № 17 (97). С. 12; Там же. 1925. № 2 (112). С. 13; Там же. № 29 (139). С. 10.

[6] Там же. 1925. № 5 (115). С. 2; Там же. № 12 (122). С. 9; Там же. № 27 (137). С. 1.

[7] Там же. 1927. № 43. С. 2.

[8] Там же. 1927. № 17. С. 7.

[9] Там же. 1929. № 32. С. 10.

докладчик по международным и внутренним темам[10] и, наконец, возглавивший Особую Дальневосточную армию В.К. Блюхер, выступающий не советником при Гоминьдане (амплуа, в котором Блюхер ни разу не выступил в журнале), а защитником рубежей Родины от поползновений китайских милитаристов и мировой буржуазии[11]. В 1931–1939 годах тема советской помощи Китаю уступает место сперва японским действиям в китайской Маньчжурии, а позже советско-японскому пограничному конфликту, начавшемуся с попыток Японии проникнуть на территорию Советского союза, а затем принявшему форму крупномасштабных военных действий у озера Хасан, на Халхин-Голе и др. 1941–1944 годы целиком проходят в освещении боёв на европейском театре военных действий, тогда как тихоокеанский фронт пропадает из поля зрения журнала вплоть до 1945 года.

С переносом военных действий СССР на восточные границы интерес к советской роли в китайских делах вспыхивает с новой силой. В 1945 г. «Крокодил» трижды обращается к сюжету с освобождением Маньчжурии — в связи с вступлением советских войск в города северо-восточного Китая[12] и с взятием в плен императора Маньчжоу-го Пу И[13]. Крушение гоминьдановского национального правительства и основание Китайской Народной Республики побуждают советскую пропаганду вновь напомнить о значительной роли СССР в происходящем и о братстве двух народов[14].

Такая волнообразная динамика требует некоторых комментариев. Прежде всего, подъёмы и спады упоминаний этой тематики не совпадают с общей тенденцией появления китайских сюжетов на страницах «Крокодила». Например, наиболее часто вопрос советской помощи поднимался в 1925 году (7 заметок и рисунков), а самый высокий показатель для всех упоминаний китайской хроники приходится на 1932 год — время японского наступления на северо-восток Китая (28 текстов и рисунков). По поводу событий после Мукденского инцидента «Крокодил» в основном говорил о позиции невмешательства, которую заняли страны Запада и Лига Наций. Лишь один раз художник К. Ротов обратился к сравнению советской и японской политики, изобразив «сев» в Шанхае и «у нас» на рисунке «Боевые действия». Шанхайская часть показывает приготовления

---

[10] Там же. 1930. № 11. С. 5.
[11] Там же. 1930. № 5. С. 1; Там же. № 26–27. С. 8–9; Там же. № 30. С. 4.
[12] Там же. 1945. № 30. С. 8.
[13] Там же. 1945. № 29. С. 2, 12.
[14] Там же. 1950. № 7. С. 2, 16; Там же. № 21. С. 3.

японцев к войне, а «наша» — посевные работы советских трактористов, борющихся за высокий урожай[15]. Собственно говоря, этот рисунок иллюстрирует не советскую поддержку Китая, а правильность советских политических и экономических целей.

Кроме того, между действительным значением событий и откликом журнала нет жёсткой корреляции. Так, инцидент у моста Лугоуцяо в 1937 году вызвал гораздо меньшую реакцию крокодильцев, чем уже упоминавшееся бездействие Запада в 1932 году и увязание Японии на китайском фронте в 1938 году. Те же тенденции касаются и советской роли в развитии китайских событий 1922–1950 гг. Редакция «Крокодила» выбирала только отдельные эпизоды, которые казались более полезными в рамках общей линии пропаганды, оставляя хронику газетам. В связи с этим анализ тематики и распределения её во времени может послужить дополнительным источником информации в изучении советской политики по отношению к Китаю.

Первый всплеск рисунков и заметок, связанных с вопросами советского участия в китайских делах, соотносится с изменениями внешнеполитических ориентиров СССР: как рассуждает А.И. Картунова в предисловии к сборнику переписки Л.М. Карахана с И.В. Сталиным и Г.В. Чичериным, после поражения революционного подъёма в Европе советское руководство проводит переориентацию на национально-освободительное и национально-революционное движение на Востоке [7, с. 10]. В связи с этим на страницах «Крокодила», наряду с уже упомянутыми портретами-шаржами на советских дипломатов в Китае А.А. Иоффе и Л.М. Карахана, зарисовками на тему урегулирования вопроса с КВЖД и установления дружественных отношений РСФСР и Китая, появляются такие сюжеты, как забастовки рабочих, массовые протесты в китайских городах и отказ простых китайцев «возить» капиталистов и империалистов[16]. При этом советские трудящиеся выступают в роли подсказчиков, помощников и вдохновителей. Так, на рисунке Ю. Ганфа «У великой китайской стены» рабочий в беседе с китайцем сетует: «Эх, товарищ Китай, ты погляди только, какая стена у тебя даром пропадает! Сколько стенных газет на ней можно наклеить!!»[17]. Напротив, одобрение советский гражданин выражает китайцам, вышедшим на демонстрацию в Кантоне, как то изображает К. Ротов на рисунке «Общий язык»[18]. Здесь же

---

[15] Там же. 1932. № 8. С. 4.

[16] Там же. 1923. № 25 (55). С. 903; Там же. 1924. № 14 (94). С. 4; Там же. № 17 (97). С. 7.

[17] Там же. 1925. № 5 (115). С. 2.

[18] Там же. 1925. № 12 (122). С. 9.

возникает и тема понимания «китайской грамоты»: хотя плакаты написаны «по-китайски», в линиях «иероглифов» узнаётся фамилия Ленина. И венчает это триумфальное шествие карикатура К. Ротова «Китайская ваза», опубликованная в июле 1925 года, вероятно, как отклик на движение «30 мая» в Шанхае. На рисунке противопоставляются два узора на фарфоровых сосудах: на одном, «в европейском вкусе», на плечах скованного цепью китайца стоит колонизатор-иностранец в пробковом шлеме, с сигарой и с усами, похожими на усы китайского дракона. На другом, «в китайском вкусе», разорвавший цепи китаец сбрасывает с плеч поработителя. Во втором изображении важно, что на вазе появляется край не то красной звезды, не то красного солнца. При любой интерпретации это едва ли может быть истолковано иначе, как символика Советского союза, поддерживающего освободительную борьбу китайского народа против империалистов и капиталистов.

Наряду с этими рисунками, в журнале появляется несколько заметок, связанных с лозунгом «Руки прочь от Китая». Общество с аналогичным названием возникло в сентябре 1924 года в ответ на «вмешательство империалистических держав в дела Китая» [11, с. 16], а в июне 1925 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановило оживить деятельность общества и осуществлять сборы в пользу китайских рабочих [7, с. 39]. Тогда же экспериментальной мастерской государственного техникума кинематографии (под эгидой Совкино) был выпущен мультипликационный фильм «Китай в огне», основным лозунгом которого стало «Борьба Китая — ваша борьба!». В связи с новым курсом в журнале «Крокодил» появляется несколько сюжетов, касающихся товарищеской помощи соседу. Первым крупным обращением к теме уже в сентябре 1924 года является рисунок В. Дени «Руки прочь!..» со стихотворным комментарием. Поведав о приближающемся к «нейтральным китайским портам» корабле «дядюшки Сама» (sic!), автор завершает стихотворение строфой:

По синим волнам океана
Лишь звёзды на флагах блестят,
Вслед: «Руки прочь от Китая!»
Рабочие массы кричат[19].

Аналогичные сюжеты возникают и в номерах 1925 года, порой обретая гротескные формы, но всегда выражая сочувствие борьбе китайского народа[20].

---

[19] Там же. 1924. № 17 (97). С. 12.

[20] Там же. 1925. № 2 (112). С. 15; Там же. № 29 (139). С. 10; Там же. № 35 (145). С. 7; Там же. № 46 (156). С. 10.

После 1925 года, как уже говорилось, количество заметок и рисунков с этой тематикой сократилось. Вероятно, формат публичных лекций, просветительских докладов и газетных сообщений был сочтён достаточным, тогда как юмористическая и сатирическая тональность «крокодильских» выпусков показалась чересчур несерьёзной. В это время вообще обсуждалась необходимость сатиры и её функции в советском обществе [5, с. 73]; лозунг поддержки китайских трудящихся на время сходит со страниц «Крокодила». Отмечается также, что в 1927–1928 годах наблюдалось общее сокращение международной тематики в журнале в связи с завершением НЭПа и началом индустриализации [3, с. 176].

В 1929–30 годах советско-китайские отношения вернулись в поле зрения журнала, но на этот раз они были связаны с конфликтом вокруг КВЖД 1929 года: на титульном листе февральского выпуска «Крокодила» появляется изображение высокого могучего красноармейца, который с улыбкой смотрит на несимпатичную «лапу» капиталиста, тянущуюся к карте пятилетки[21]. Из лапы капает кровь с подписью «КВЖД» — очевидно, смысл рисунка, озаглавленного «И хочется, и колется», сводится к тщетности вражеских попыток захватить территории СССР, причём оказывается, что участники конфликта с китайской стороны — северо-восточные милитаристы, поддержанные Чан Кайши — также часть мировых врагов рабочего класса. Это подтверждается тем, что в одной из предыдущих карикатур, рисунке К. Ротова «Полный отдых на Кит.-Вост. ж.д.», враги рабочих — китайский генерал и белогвардейский офицер — беспомощно озираются, стоя на заросших железнодорожных путях, а за их спинами мирно играют в карты русский мужичок в лаптях и рядовые солдаты-китайцы[22]. Иначе говоря, конфликт на КВЖД преподносился как ещё одно проявление мировой классовой борьбы и наступления на контрреволюцию при сохранении дружеских отношений между рабочими и крестьянами разных стран. Кроме того, конфликт стал поводом для прославления советского оружия: в рисунках и заметках журнала фигурируют как абстрактные красноармейцы, так и конкретные красные командиры; дважды за 1930 год появляется имя В.К. Блюхера. В то же время, хотя тема помощи братскому народу не исчезает совсем, она отходит на второй план в связи с возникновением более важной повестки пропаганды.

Этим рубежом заканчивается первый период советско-китайской тематики в журнале «Крокодил», когда советский человек участвовал

---

[21] Там же. 1930. № 5. С. 1 (художник М. Черемных).

[22] Там же. 1929. № 30. С. 1.

в жизни Китая как советчик и партнёр. В 1945 году он возвращается уже в совершенно иной роли — воина-освободителя. В отличие от 1920-х гг., когда советскому государству нужно было искать заграничных союзников, к середине 1940-х гг. СССР приходит уже как мощная страна, способная оказывать помощь другим. В сентябре 1945 года журнал поместил карикатуру С. Костина «Трофеи счёт любят», на которой изображались двое советских солдат, принимающих имущество. Подпись под рисунком содержала реплику одного из них: «Проверь-ка, Сидоров, ещё разок: самолётов — 483, полевых орудий — 642, императоров — 1»[23]. Другой рисунок, «Последний рейс» художника Л. Бродаты, показывал, как китайский рикша сбрасывает японского седока с кресла под одобрительные улыбки соотечественников и советских военных[24]. Интернирование Пу И, освобождение Маньчжурии и радостные приветствия в адрес Красной армии со стороны местных жителей давали журналу возможность показывать советских граждан уже не как пассивных наблюдателей, учащихся понимать «китайскую грамоту», а как влиятельную силу, спасающую мир от врагов. Эта роль закрепляется за советскими персонажами в выпусках 1949–1950 годов: здесь и взаимные поздравления товарищей с Октябрём[25], и получение обильного урожая благодаря советским машинам (которые, в отличие от американских, несут людям пользу)[26], и борьба за мир во всём мире под руководством СССР[27].

В заметках и рисунках, тематически объединённых как «помощь СССР Китаю», основными союзниками советских людей выступают рабочие, крестьяне, рядовые солдаты, рикши, машинисты паровозов. Они узнаваемы по небогатой одежде, соломенным шляпам, часто добродушным выражениям лиц, а в конце периода (1949–1950 гг.) — по коммунистической атрибутике: звёздам, красным бантам, повязкам и знамёнам. Важно, что за весь период среди китайских рабочих и коммунистов не отмечено ни одной зарисовки, где в положительном ключе изображался бы конкретный политический или военный деятель; один раз одобрительно упоминается имя Сунь Ятсена, но это связано с «предательством» революционных идеалов новым лидером, Чан Кайши — и едва ли это можно считать закреплением роли «союзника» за Сунь Ятсеном. В остальных случаях союзником

[23] Там же. 1945. № 29. С. 12.
[24] Там же. 1945. № 30. С. 8.
[25] Там же. 1949. № 30. С. 16.
[26] Там же. 1950. № 21. С. 3.
[27] Там же. 1949. № 12. С. 16; Там же. 1950. № 7. С. 16.

СССР по ту сторону китайской границы оказывается обобщённый образ пролетария.

В целом, образ «союзника», действующего по ту сторону китайской границы, прошёл в журнале через заметные изменения следом за внутри- и внешнеполитическими переменами в СССР. На первых порах возможные союзники советского народа появляются в связи с борьбой пролетариата против эксплуататоров, выступая в хорошо знакомых советскому читателю ролях: рабочий с массивными кулаками, ремесленник с горшком или плетёной корзиной, городской бедняк (крестьяне не изображались, поскольку движущей силой революции в СССР считался рабочий). Зачастую эти персонажи оказывались в положении беспомощных, а порой — вовсе спящих и потому не ведущих борьбу людей, поэтому возникает ощущение, что они нуждаются в помощи и подсказках[28]. Такое положение сохранялось и в начале 1930-х годов, когда сопротивление китайцев японской агрессии изображалось пассивным или вовсе не существующим, Китай представал в виде связанного по рукам и ногам человека[29], показывались жертвы войны[30], а в роли активного борца китайская сторона не выступала вплоть до 1934 года, когда появляется единичное упоминание партизанского движения в Маньчжурии[31]. Впрочем, если на этом этапе китайское сопротивление и в самом деле было не столь активным, то соотношение масштабов китайских военных действий после 1937 года с изображаемым на страницах «Крокодила» расходится значительно. Тема китайских войск (регулярных и партизанских) возникает в период с 1937 до 1945 года всего 13 раз, причём некоторые из упоминаний сводятся к фразам, где некие «они» противостоят Японии, что создаёт излишне абстрактный образ китайского союзника у читателя. Наконец, в последние годы до образования КНР — с 1947 до 1949 года — в образе «союзников» фигурируют уже те, кто оказывал сопротивление внутреннему врагу, под которым понимается Национальное правительство под руководством Гоминьдана и Чан Кайши. Естественный взлёт упоминаний «союзников» в 1949 году (9 сюжетов по сравнению с тремя за 1947–1948 гг.) связан не только с важностью самого события, но и с тем, что советская власть уже переопределила ориентиры своей внешней политики и допускала изображение китайских коммунистов как национальных героев-освободителей.

---

[28] Например, там же. 1924. № 21 (101). С. 7; Там же. 1925. № 2 (112). С. 13; Там же. № 24 (134). С. 1 и др.

[29] Там же. 1931. № 31. С. 4.

[30] Там же. 1932. № 11. С. 12; Там же. 1936. № 35. С. 16.

[31] Там же. 1934. № 12. С. 14.

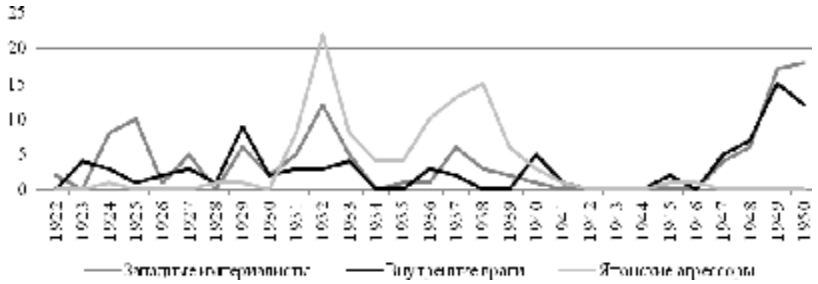
Тесно сплетается с темой советской помощи и китайских «союзников» и противопоставляется ей тема враждебного, империалистического вмешательства, присутствия в Китае капитала и тех сил, которые выступают в интересах буржуазного мира: милитаристов, реакционеров, полицейских и прочих врагов пролетариата. Фактически, если сравнить частоту упоминаний советских и империалистических сил в журнале, мы обнаружим количественное превосходство именно враждебных элементов: если сюжетов, так или иначе использующих образ советско-китайской дружбы и союзнических отношений, насчитывается порядка 40, то графических и текстовых вариаций на тему «врага» в Китае можно найти не менее 200. Это нетрудно объяснить, потому что для советской пропаганды создание образа врага было гораздо важнее, чем образа союзника.

Об использовании образа и стереотипа «врага» писали в разное время [6; 8; 9; 13, с. 11–38; 14; 15], но для целей этой статьи важен ряд принципиальных тезисов, касающихся предпосылок возникновения этого образа в пропаганде. Во-первых, как только в идеологической картине появляется «война» и «враг», общество неизбежно мобилизуется для борьбы против внешних и, что немаловажно, внутренних врагов, предателей, шпионов. Во-вторых, риторика войны позволяет развить в населении ощущение причастности к нации и сообществу, что достигается за счёт образов побеждаемых «чужих», реющих знамён, сомкнутых рядов, совместной борьбы ради единой цели. В-третьих, противопоставление себя врагу даёт возможность отчётливо определить фундаментальные ориентиры в рамках простой терминологии, потому что метафора войны маскирует множество неоднозначных и спорных тезисов. Симптоматично, что последнее было сказано о войне против терроризма, провозглашённой в США после взрывов 11 сентября [15; p. 10] — механизм борьбы против неопределённого противника, обретающего всё новые негативные черты, срабатывал в СССР и продолжает использоваться в современных кризисных ситуациях. При этом объективное глубокое знание явлений не только не требуется от населения, но и мешает работе пропаганды: чем меньше общество знает о враге, тем острее оно переживает вражду. Резюмируя, враг нужен как тот, кто противостоит «нам», он объясняет трудности и препятствия на пути к общей цели, а через дихотомию «свой–чужой» упрощаются сложные для понимания явления в ином общественном устройстве.

За время с 1922 до 1950 года «врагами» Китая оказывались западные империалисты (часто без выделения национального признака или же собранные вместе США, Великобритания, Франция и др.), японские агрессоры и внутренние враги китайского народа. При этом в

центре внимания, как правило, оказывались какие-либо две из этих групп, составляя своеобразные «пары» в зависимости от общей ситуации в мире. Эти смены легко просматриваются на графике (Граф. 1).

График 1. Группы «врагов» Китая в журнале «Крокодил» (1922–1950 гг.)[32]



Здесь можно заметить, что вплоть до 1940 года западные империалисты почти постоянно присутствовали в большей или меньшей степени, составляя неизменный «реакционный» фон. При этом на начальном этапе, в 1922–1926 годах, в паре с ними фигурировали классовые враги внутри китайского общества, через которых и действовали мировые капиталисты. К внутренним врагам на этом этапе относились часто сменявшиеся президенты и премьер-министры, милитаристы, промышленники и купцы[33]. Затем, в 1929 году, хорошо виден резкий скачок в частоте упоминаний именно внутренних врагов, который связан с советско-китайским конфликтом на КВЖД. Хотя формально с китайской стороны в нём участвовали северо-восточные милитаристы, «Крокодил» пошёл по пути «персонификации» врага, изображая в этой роли Чан Кайши[34].

В 1930-х годах вполне очевидным образом на роль основного врага выходит японский агрессор, атакующий Китай; но не менее любопытно, что западные империалисты сохраняют свою негативную роль и появляются пропорционально японским. Это связано с тем, что их амплуа здесь принимает две основные формы: Лига Наций, которую

[32] Подсчёт авторский, по выпускам журнала за 1922–1950 гг. (Журнальный фонд РНБ).

[33] Например, Крокодил. 1923. № 11 (41). С. 662; Там же. № 25 (55). С. 903; Там же. 1924. № 28–29 (108–109). С. 15; Там же. 1923. № 18 (48). С. 782; Там же. № 42 (72). С. 1169; Там же. 1924. № 17 (97). С. 7; Там же. 1926. № 11 (171). С. 3.

[34] Например, Там же. 1929. № 29. С. 2–3; Там же. 1929. № 32. С. 10.

активно критиковали за невмешательство в маньчжурские события, и западные торговцы оружием. Заслуживает внимания, что тема финансирования войны Западом активно развивается и в рисунках, и в фельетонах[35], так что у читателя не остаётся сомнений в негативной роли иностранного капитала — хотя китайско-японский конфликт разгорался как часть общемирового военного кризиса и не был лишь плодом финансовой заинтересованности Европы и Америки.

С обострением ситуации в Европе и началом Второй мировой войны внимание крокодильских выпусков переходит на фашистских агрессоров на Западе, а также, в 1939–1940 годах, на советско-финский конфликт. Когда США, Великобритания и другие традиционные «враги» СССР становятся его союзниками, количество упоминаний западных империалистов в китайских событиях резко снижается[36]. Японский агрессор обретает нового «партнёра» — национальных предателей китайского народа: Пу И, Ван Цзинвэя, Ван Кэминя (подъёмы линии «внутренних врагов» в 1931–1933, 1936–1937 и 1940–1941 годах). И Пу И, и Ван Цзинвэй, и Ван Кэминь, изображённые на рисунках «Крокодила», лишены портретного сходства и лишь наделены признаками «враждебного»: несимпатичными чертами лица, жидкими бородками, обрюзгшими фигурами, «старорежимными» нарядами (вплоть до длинной косы)[37].

Возвращение «врагов» Китая на страницы журнала связано с приходом СССР на Тихоокеанский фронт военных действий и скорыми успехами советской армии: уже в августе 1945 года появляется рисунок Л. Сойфертиса «Урок японцам», где обыгрывалась тема капитуляции Японии, немного погодя опубликовали и уже описанные здесь рисунки на тему ареста Пу И. Но в скором времени образ «врага» двинулся по совсем другой траектории: в 1947 году врагами объявляются партия Гоминьдан и её лидер Чан Кайши. В изображении «Крокодила» эти внутренние враги, предатели китайского народа, финансировались из американского кармана, вели страну к нищете и несчастьям, а когда в 1948 году постепенно стало ясно, что

---

[35] Там же. 1932. № 7. С. 12; Там же. 1933. № 10. С. 4; Там же. № 14. С. 3.

[36] О западных союзниках и эволюции этого образа см. [2; 3; 6]. Как уже было сказано, в 1941–1945 годах «Крокодил», как и вся советская пропаганда, работал на нужды европейского фронта, полностью игнорируя события в Китае, поэтому во время Великой отечественной войны никакие действия на китайском театре не появляются в журнале.

[37] Например, Крокодил. 1931. № 31. С. 2; Там же. 1932. № 9. С. 2; Там же. 1936. № 5. С. 11; Там же. 1940. № 9. С. 2; Там же. № 24. С. 16; Там же. 1941. № 1. С. 11.

Гоминьдан проигрывает Компартии Китая, «Крокодил» перешёл к образу не просто «врага», а врага битого. В 1949 году тема «врага» применительно к Китаю становится фоновой, ей на смену приходит красное знамя Китайской Народной Республики.

Принципы изображения «врагов» в рамках дальневосточной тематики в целом совпадают с аналогичными закономерностями в европейском и американском контексте. Б.Е. Ефимов, один из ведущих карикатуристов «Крокодила» и «Известий», уподоблял «традиционные сатирические образы-метафоры, носящие характер своего рода сатирической терминологии» фигурам в шахматной игре: из однообразных символических изображений можно формировать бесконечное множество новых комбинаций и сюжетов [4, с. 201–202]. Неудивительно поэтому, что устоявшийся образ капиталиста или буржуя при переносе на китайскую почву дополнялся лишь какой-нибудь вспомогательной деталью — узкими глазами или цинским облачением. Тот же Борис Ефимов считал ключевыми свойствами сатирического рисунка условность, метафоричность, лаконизм: «для политической сатиры, особенно той, которая адресована широкой читательской массе, твёрдо противопоказаны чрезмерная усложнённость и изощрённость художественной формы. Она должна быть ясной, понятной и доступной, способствующей тому, чтобы смысл и содержание сатиры доходили легко и безошибочно» [4, с. 199]. Поэтому советская пропаганда и журнал «Крокодил» охотно переносили на китайские события те схемы, которыми объясняли происходящее на Западе. Капиталисты стремились поработить мир, они подавляли рабочее движение и выкачивали кровь из пролетариата. При этом они то объединялись в универсальном образе человека с моноклем, в цилиндре, в чёрно-белом костюме, с алчным взором и недобрым выражением лица, то затевали ссору между собой и тогда превращались в дерущихся хищников. Во всех этих ситуациях просматривается та или иная степень дегуманизации противника, изображение его либо отвратительным до утраты человеческого облика, либо буквально «озверевшим».

Дегуманизирующие метафоры в китайской тематике журнала встречаются именно и только в контексте врагов. В «Крокодиле» рассматриваемого периода встречается не менее 30 китайских сюжетов, пользующихся этим приёмом, и только одна из карикатур изображает китайских солдат (в данном случае положительную силу) в виде пчёл — в рамках общей метафоры рисунка, где японский медведь напал на китайскую пасеку. Во всех остальных случаях предметом метафор становятся именно агрессивные действия империалистов и их протеже: на 30 карикатурах западные «враги» появляются в

«нечеловеческом» облике 14 раз, японские — 12. Кроме того, посредством изображения объектов живой и неживой природы показывается вероломство и предательство гоминьдановского правительства после 1945 года (таких рисунков восемь).

«Шахматные фигуры» для стран Запада советской пропаганде не нужно было изобретать, они уже существовали в европейской традиции. Британский лев и американский орёл наряду с медведями, осьминогами, псами и другими животными для прочих стран рисовались на «сатирических» картах и в газетах задолго до Октябрьской революции. Советским карикатуристам достаточно было адаптировать эти образы для новой тематики.

Закономерности в употреблении дегуманизирующих метафор в китайской истории обусловлены уже описанными сменами «врагов»: в 1920-е годы, когда основным противником изображались западные капиталисты, к этому методу художники прибегали нечасто, в основном предпочитая сохранять за врагами человеческие черты, пусть и малопривлекательные. В 1930-е годы, напротив, животные образы появляются заметно чаще, в абсолютном большинстве случаев в связи с японской агрессией. Чаще всего это небольшие рисунки, на которых японцы выступают в виде обезьяны, мартышки, человечка со свиным рылом, волка, хризантемы с пушками вместо лепестков, змеи. Всё это существа, почти несомненно вызывающие отторжение и негативные реакции, и рисунки призваны служить постоянным фоном в теме китайско-японского конфликта. По отдельной полосе номеров отводится только трём карикатурам. На них японцы превращаются в медведя (разоряющего пасеку), заходящее солнце и мух. На рисунке Ю. Ганфа «Японский медведь на китайской пасеке» мишка нарисован глуповато-неуклюжим, на лапах у него надеты краги по образцу японских, на поясе меч, с головы слетела форменная фуражка, а на узких косых глазах очки — стандартный признак японца. Хотя один из ульев (с традиционной загнутой крышей) медведю удалось выломать, китайские пчёлы уже почти одолели захватчика и вот-вот его зажалят[38]. Для карикатуры с солнцем (рисунок «Утомлённое солнце», художник Л. Бродаты) прообразом стал имперский японский флаг, но здесь лучи от светила явно гаснут, само оно лишилось одного глаза, из второго капают слёзы; ему остаётся только тонуть в море китайских солдат, наступающих шеренга за шеренгой[39]. На третьей карикатуре, работе художника К. Ротова «Самурайские мухи», нарисована бумажная карта Китая с

[38] Там же. 1938. № 7. С. 16.
[39] Там же. 1939. № 32. С. 7.

подписанными городами (Нанкин, Шанхай, Ханчжоу и др.). Но на самом деле это не карта, а бумага с патокой, из-под которой виднеется подпись «Смерть мухам», а мухи — с японскими флагами, в имперской форме — слетаются на приманку и увязают[40].

Интересно, что в двух из этих работ китайцы и японцы предстают в образе общественных насекомых, в одном случае воспринимаемых как полезные, в другом — вредные. Напрашивается параллель с рассуждениями Э. Стейтер и Д. Уиллс, канадских исследовательниц американской пропаганды в период ближневосточных кампаний: изображение противника в виде насекомых связано со свойственным ориентализму восприятием азиатских стран как перенаселённых обезличенных обществ [15, p. X, 28]. Безусловно, этот вывод неприменим ко всему спектру метафорической системы, связанной с изображением китайских событий, но нельзя не отметить определённой склонности «Крокодила» преуменьшать серьёзность китайско-японского противостояния в 1938–1939 годах.

Отдельную категорию, безусловно, составляют тексты и рисунки, связанные с Гоминьданом и Чан Кайши. В подавляющем большинстве сюжетов Националистическая партия и её лидер предстают в негативном свете: из 49 зафиксированных изображений и упоминаний 44 случая показывают Чан Кайши, его партию и правительство вероломными, преступными или бездарными, лишь на четырёх рисунках символика Гоминьдана используется для обозначения положительных сил (которые здесь не связаны с Чан Кайши), а ещё в двух ситуациях партия и Чан упоминаются в нейтральном контексте. Естественно, «Крокодил» был не единственным источником официальных новостей и работал скорее как иллюстрация к основным газетам вроде «Правды» и «Известий», поэтому на страницах журнала прослеживается далеко не весь спектр суждений о Чан Кайши и его правительстве. Но эволюция образа Чан Кайши наглядно показывает, как в СССР происходило постепенное нагнетание враждебности по отношению к некоммунистическим силам Китая.

Первое упоминание и Чан Кайши, и Гоминьдана в «Крокодиле» появляется в 1927 году, в выпуске, посвящённом критике «обывательщины». Здесь, в разделе «О международном, внутреннем и вообще», приводятся «цитаты» из обывательских рассуждений, за подписью *Грамен* (будущий редактор журнала Н.К. Иванов-Грамен). Среди высказываний о Боге, Чемберлене и швейцарском сыре появляется и такая фраза: «Гоминдан, Ухан, Чан-Кай-ши, а кончится тем, что чаю не будет. Были бы деньги, — закупил бы сразу месяцев на

[40] Там же. 1938. № 13. С. 1.

десять. И спокоен тогда»[41]. Эта «цитата» должна была мгновенно узнаваться читателем, потому что китайские события постоянно и подробно фигурировали в центральных газетах, в докладах на актуальные темы и публичных лекциях. Китайская тематика нередко оказывалась своеобразным «градусником» в диагностике «обывателя»: активно порицалось неумение правильно трактовать происходящее на Востоке и отношение к Китаю только как к источнику потребительских благ. Но здесь, в выпуске мая 1927 года, чехарда названий и имён — Гоминьдан, Ухань, Чан — безусловно, была привнесена появлением в газетах всё новых заметок по внутренним конфликтам в Китае. Как раз в первые месяцы 1927 года Советский союз пристально следил за Северным походом Национально-революционной армии — продвижением республиканских войск под флагом Гоминьдана против северных милитаристов. Ярким эпизодом в прессе стало взятие южанами Шанхая, по поводу чего в газете «Известия» появилась иллюстрация Бориса Ефимова со стихотворной подписью Демьяна Бедного[42], а рядом — фотографический портрет Чан Кайши[43], всё это в весьма радостных тонах и в общей атмосфере триумфа пролетариата над эксплуататорами. Однако не проходит и месяца, как Чан Кайши оказывается «врагом»: на страницах «Известий» милитарист Чжан Цзолинь награждает Чана орденом в виде отрубленной головы под одобрительными взглядами людей в цилиндрах (карикатура Б. Ефимова)[44]. Понятно, что это чередование образов было следствием стремительных изменений в политике Гоминьдана и разных его группировок; «Известия» как ежедневная газета вынуждены были изображать Чан Кайши в противоположных ролях, поскольку реагировали на события гораздо оперативнее, чем еженедельники. На долю «Крокодила» выпадала более последовательная интерпретация произошедшего, поскольку материалы для выходившего каждые десять дней журнала готовились менее поспешно. И, следовательно, откликом на некоторую парадоксальность сообщений стал перевод темы Чан Кайши и Гоминьдана из политической сферы в область критики «обывательщины». В результате сами эти имена собственные становились своеобразными ярлыками.

---

[41] Там же. 1927. № 19. С. 2.

[42] Про создание этого рисунка и восприятие шанхайских событий пишет в воспоминаниях сам художник: [4, с. 16].

[43] Известия. 1927. 22 марта. С. 1; этот же портрет печатался и раньше, например: Там же. 1926. 22 сентября. С. 1.

[44] Там же. 1927. 19 апреля. С. 3.

В следующий раз Чан Кайши оказывается в компании «виновников будущей империалистической войны», в одном ряду с Черчиллем, Пуанкаре, Пием XI, Гитлером, Муссолини и другими «врагами» мира и рабочего класса[45]. Это первое изображение Чана на страницах «Крокодила», и здесь в целом соблюдено портретное сходство, хотя общая стилистика карикатуры наложила свой отпечаток: лидер Китая утрированно скуласт, зубаст и непривлекателен. Впрочем, аналогичные метаморфозы произошли и с окружающими персонажами. Можно с большой долей уверенности говорить, что появление Чан Кайши в ряду мировых разжигателей войны связано с советско-китайским конфликтом на КВЖД на фоне постоянного ухудшения отношений между Гоминьданом и Компартией Китая. Уже в следующем, 29 номере журнала была напечатана карикатура П. Белянина «Этак и подавиться можно», изображавшая не то Чан Кайши, не то Чжан Сюэляна в виде толстого и не слишком китайского дракона, проглотившего железную дорогу и вагончики с надписью «К.-В.Ж.Д.»[46]. В этом же выпуске опубликовали ещё одну зарисовку, на сей раз несомненно изобличавшую реакционность Чан Кайши: Чан с окровавленными руками вытирал саблю о знамя Гоминьдана на фоне отрубленных голов. Подпись гласила: «Кто говорит, что мы сдали в архив знамя Сун Ят-сена?..»[47] В этом рисунке привлекает внимание не столько вполне предсказуемая гипербола в изображении «врага», сколько обращение к символике Гоминьдана как положительному образу. Голубое знамя с белым солнцем здесь впервые возникает в «Крокодиле» и в дальнейшем появляется ещё лишь три раза: в виде нашивки на плече у китайского солдата, противостоящего японскому агрессору[48], над частями, наступающими на бегущих японцев[49] и над волнами китайских солдат, в которых тонет японское солнце (причём здесь цветовая символика изменена: вместо голубого поля нарисовано красное)[50]. Больше гоминьдановское знамя до образования КНР на страницах «Крокодила» не фигурировало.

После этого Чан Кайши исчезает из журнала и возвращается только в 1947 году, в ряду сообщений об арестах студентов, о продажности

---

[45] Крокодил. 1929. № 28. С. 4–5; подробнее об этой карикатуре см. [3, с. 177–178].

[46] Крокодил. 1929. № 29. С. 2.

[47] Там же. 1929. № 29. С. 2–3.

[48] Там же. 1937. № 24. С. 11.

[49] Там же. 1938. № 24. С. 1.

[50] Там же. 1939. № 32. С. 7.

гоминьдановского правительства и органов печати[51]. Причём первое упоминание Чана после Второй мировой войны связано не с ним самим, а с его родственниками: на рисунке К. Елисеева «Дела семейные» изображена полная китаянка, с фальшивой улыбкой говорящая дельцу-иностранцу: «Внешняя торговля Китая — это внутреннее дело нашей семьи»[52]. В пояснении к карикатуре со ссылкой на газету «Чайниз нейшионалист дейли» сказано, что «вся внешняя торговля Китая сосредоточена в руках родственников Чан Кай-ши». Надо заметить, что возникновение таких образов, как «родственники» и «супруга» Чан Кайши, было неслучайно. Сун Мэйлин, жена Чана, хотя и не названная по имени (она упомянута как «мадам Чан Кай-ши»), выступает в роли незадачливой хозяйки при нахальном госте-американце несколько позже, в 1948 году[53]. К этому же времени относится перевод на русский язык и публикация сочинения Чэнь Бода «Четыре семейства Китая» [12], где роль семейных отношений во властных кругах Китая описывалась во всём богатстве пропагандистских терминов.

Закономерна и перемена отношения к Гоминьдану в целом. Когда знамя партии появлялось на рисунках 1920–30-х годов, оно выступало как положительный символ и связывалось с народными и революционными силами страны. В противовес этому с 1950 года нечто напоминающее флаг гоминьдановского Китая использовалось для обозначения представителя Китайской Республики в ООН (незаконного, с точки зрения советской пропаганды), затем — на фуражке Чан Кайши, берущего займы у США, и на орденской ленте к позорному ордену «Сверкающей пятки»[54]. К этому времени «гоминьдановский» уже стал синонимом «контрреволюционного» и «антинародного». Та же судьба постигла и символику партии. Финальным выходом гоминьдановского солнца на страницы журнала в 1950 году становится оборванное знамя в руках побеждённого Чан Кайши, сидящего на крошечном островке[55].

К эволюции образа Чан Кайши и его партии надо добавить ещё одну деталь: в 1948 году «Крокодил» превращает гоминьдановцев из реакционеров в отслужившую своё бесполезную вещь. В связи с этим появляется метафора битого фарфора и сломавшейся машины[56]. Иллюстрации к хронике китайских событий 1948–1949 годов

---

[51] Там же. 1947. № 17. С. 2; Там же. № 18. С. 3.
[52] Там же. 1947. № 22. С. 4.
[53] Самопишущий Колумб // Там же. 1948. № 18. С. 4.
[54] Там же. 1950. № 4. С. 8; Там же. № 6. С. 9, 12.
[55] Там же. 1950. № 10. С. 12.
[56] Там же. 1948. № 3. С. 1; Там же. № 7. С. 12; Там же. 1949. № 5. С. 9.

всё чаще приобретают «медицинский» оттенок, гоминьдановцы нарисованы с бинтами, пластырями, костылями; в текстах они описываются словами «околпаченные», «помятые», «битые», «обанкротившиеся»[57]. Здесь вновь появляются дегуманизирующие метафоры, до этого применявшиеся к иностранным врагам, и Чан Кайши оказывается попеременно то дырявой копилкой, то маской в руках Уолл-стрит, то сухим пнём, поливаемым из американской лейки[58]. Кроме этого, карикатуристы помещают Чан Кайши почти во все многофигурные рисунки, пародирующие международную ситуацию. В таких крупных аллегорических изображениях США играют ведущую роль, а остальные страны, противостоящие социалистическому лагерю, так или иначе выступают «на подпевках» у «претендента на мировое господство»[59]. Чан Кайши в этих своеобразных комиксах узнаваем по забинтованным конечностям и подвязанной челюсти, оборванной одежде и просительному выражению лица: основными амплуа китайского президента здесь оказываются попрошайка и бездомный инвалид.

Вслед за своим лидером в роли выброшенных предметов показывается и весь Гоминьдан: помимо уже упомянутого расколотого фарфора и остановившейся машины, партия изображена в виде гнилого мятого «китайского мандарина» (в одном ряду с «грецким орехом», «японской хурмой» и другими «долларовыми плодами»), а представитель Китая в ООН — в виде пустого пиджака, который управляется человеком в звёздно-полосном костюме[60]. На промежутке 1948–1950 годов видно, как активно и бесцеремонно действует советская пропаганда по отношению к тому врагу, с которым уже не планирует иметь дела. Чан Кайши воспринимается как «политический труп», что в графической форме закрепляется карикатурой КУКРЫНИКСЫ «Поможет, как мёртвому припарки», где позеленевшему и безнадёжно исхудавшему Чану на спину клеит долларовые банкноты человек в фетровой шляпе и галстуке-бабочке (Чан лежит на кушетке цветов американского флага, а в пояснении сказано, что «Магнаты Уолл-стрита до сих пор продолжают поддерживать гоминдановскую клику»)[61]. Тему «политической гибели» Чан

---

[57] Там же. 1948. № 18. С. 4; Там же. 1948. № 32. С. 2; Там же. 1949. № 10. С. 10; Там же. № 25. С. 7.

[58] Там же. 1949. № 5. С. 9; Там же. № 36. С. 6; Там же. 1950. № 3. С. 16.

[59] Например, Там же. 1949. № 36. С. 8–9; Там же. 1950. № 4. С. 8–9; Там же. № 10. С. 5; Там же. № 12. С. 8–9; Там же. № 17. С. 8–9.

[60] Там же. 1949. № 10. С. 10; Там же. 1950. № 8. С. 2.

[61] Там же. 1949. № 28. С. 5.

Кайши развивает заметка «В гоминьдановском балагане», повествующая о соперничестве Чана и Ли Цзунжэня, которые продолжили своё противостояние после эвакуации на Тайвань. Этот эпизод представлен в заметке как «потасовка двух политических мумий»[62]. Немногим ранее опубликованный «Последний романс Чан Кай-ши» также вписывается в эту схему[63].

Почти во всех этих сюжетах Гоминьдан и Чан Кайши выступают при помощи и под влиянием США. В «Последнем романсе» Чан печалится о своём «шарабане американском», и хотя Великобритания и Франция тоже появляются в качестве западных «финансистов», основным врагом китайского народа и Советского союза рисуются неизменно Штаты.

С 1950 года начинается иная история Китая в «Крокодиле», которую следует обсуждать отдельно. Между тем, первые тридцать лет существования журнала оставили внушительное наследие, которое пригодно для анализа по самым разным параметрам. Попытка выделить основные тенденции в освещении китайских событий до образования КНР, предпринятая в этой статье, позволяет говорить о весьма специфической «интерференции» своеобразия китайской истории первой половины XX века и колорита советской сатиры. Чередование сближения и разрыва отношений между Москвой и китайскими властями, сотрудничества и противостояния между Гоминьданом и Компартией Китая, а также дипломатические трудности между СССР и Западом не только предопределяли сложность в изображении событий в журнале. Они также давали возможность находить в Китае прообразы и для «врагов», и для «союзников», в зависимости от требований момента в советской пропаганде. Многообразие процессов в послереволюционном Китае позволяло небезосновательно показывать читателям Союза то героев национальной освободительной борьбы, то нуждающихся в помощи бедняков, то притаившихся на границе врагов. Безусловно, «Крокодил» не слишком педантично заботился о детальной достоверности своих материалов, а в некоторых случаях установить фактический повод для появления в журнале той или иной карикатуры не удаётся[64]; но

---

[62] Там же. 1950. № 8. С. 3.

[63] Там же. 1949. № 31. С. 6.

[64] Таковы, например: упоминание некоего британского судна «Энкайзис», которое обстреляли гоминьдановские лётчики в 1949 году (Крокодил. 1949. № 21. С. 12), бомбёжка силами Соединённых Штатов китайского города в 1950 году (Крокодил. 1950. № 11. С. 10) и некоторые другие отсылки к газетным сообщениям в пояснениях к рисункам.

изрядная доля гротеска и абсурда может быть признана частью общей стилистики сатирического журнала. В то же время акценты, расставленные карикатурами и фельетонами «крокодильцев», отчётливо показывают, что расценивалось как важное при информировании советских граждан, а что отступало на второй план.

Образ китайских «союзников» первоначально строился на идее о мировой революции, начинающейся на Востоке. Этим обусловлено изображение китайских рабочих в тех же схемах, которые применялись к советскому пролетариату; фундаментальной здесь оказывалась метафора «пробуждения» Китая, происходящего с помощью Советского союза. Постепенно идея мировой революции отступила и на смену ей в китайской тематике пришла концепция построения коммунистического государства, что осуществилось к концу 1940-х годов. Образ союзника, выросший из лозунга «руки прочь от Китая», укрепился в годы Второй мировой войны при посредстве редких, но недвусмысленных изображений китайского солдата, честно борющегося против японского агрессора, а затем плавно перевоплотился в образ борца за народную власть и против реакционного правительства.

Тема «врага» также работала вполне предсказуемо, используя сочетание иноземного агрессора (то западного, то японского) с внутренним врагом. Важно, что «внутренний враг» в Китае принципиально отличался от «внутреннего врага» в самом СССР: если в Союзе враг таился среди граждан, маскировался под коммуниста, вредил и шпионил исподтишка, то в Китае, как и в любом буржуазном государстве, враг был у власти и его необходимо было просто свергнуть и изгнать. Отсюда происходит и прозрачность образов: толстые лжеимператоры, продажные правители, партии, лишённые даже понятного наименования[65]. Обезличенные, а на последнем этапе часто и обесчеловеченные символы прежней системы — Чан Кайши в виде заросшего паутиной пня и машина «Гоминьдан», едущая только назад — служили фоном для растущего народного движения, которое вытесняло «реакцию» и из страны, и со страниц «Крокодила». Скачок в китайской тематике в 1949–1950 гг. призван показать судьбу мирового капитализма и центральную роль советского государства в освобождении всех остальных угнетаемых стран. Лозунг «Руки прочь от Китая», рождённый идеей революции с Востока, превратился в постулат о дружбе братских народов.

---

[65] О негативных ассоциациях с именем Чан Кайши и названием партии Гоминьдан рассуждает в предисловии к биографии Чана Ю.М. Галенович, см. [1, с. 3–13].

Журнал «Крокодил», выполняя свою первичную функцию информирования населения, одновременно расставлял все необходимые акценты и во внешне легкомысленной форме представлял людям всестороннюю картину мира с точки зрения власти. В этом смысле он играл роль воспитателя мифологизированного общественного сознания, который через создание устойчивых ассоциативных моделей расставлял «флажки» для «правильного» понимания сложных внутренних и международных событий. Предпосылка, что политическая карикатура строится на мифах, стереотипных представлениях и сплаве образов, присущих той или иной культуре, позволяет продолжить анализ «крокодильских» работ по китайской тематике, в изучении как китайской истории, так и советского общества и государства.

Литература

1. *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: ИД «Муравей», 2000. 357 с.

2. *Голубев А.В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. Магнитогорск: МаГУ, 2005. С. 320–352.

3. *Голубев А.В.* Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 170–187.

4. *Ефимов Б.Е.* Мне хочется рассказать. М.: «Советский художник», 1970. 208 с., илл.

5. *Киянская О.И.*, *Фельдман Д.М.* К истории советской сатирической печати 1930-х годов: журнал «Крокодил» // Вестник РГГУ. 2014. № 12. С. 71–85.

6. *Колдомасов И.О.* Формирование образа союзников с помощью печатных СМИ в советском обществе военных лет (1941–1945 гг.) // Научные ведомости БелгорГУ. 2009. № 7 (62). С. 75–80.

7. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г., 1926 г. / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост., отв. ред., авт. предисл. *А.И. Картунова*; гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: Наталис, 2008. 704 с.: илл.

8. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Отв. ред. *А.В. Голубев*. М.: ИРИ РАН, 1998. 336 с.

9. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 288 с., илл.

10. Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / под ред. и послесл. *И.М. Чубарова*. М.: Логос-Альтера, Ecce Homo, 2005. 504 с.

11. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов / Отв. ред. *И.Ф. Курдюков* [и др.]; [Акад. наук СССР. Ин-т китаеведения]. Москва: Изд-во вост. лит., 1959. 467 с.

12. *Чэнь Бо-да*. Четыре семейства Китая / Пер. с кит. *А.Г. Гатова*; вступ. статья *В.Я. Аварина*. М.: Изд-во и тип. Гос. изд-ва иностр. лит., 1948. 223 с.

13. *Эко У.* Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю: Умберто Эко / Пер. с ит. *Я. Арьковой*, *М. Визеля*, *Е. Степанцевой*. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 352 с.

14. *Frank J.D.*, *Melville A.Y.* The Image of the Enemy and the Process of Change // Breakthrough: Emerging New Thinking, Soviet and Western Scholars Issua a Challange to Build a World Beyond War. N.Y.: Walker and Company, 1988. P. 199–208. URL: http://ee.stanford.edu/~hellman/Breakthrough/book/pdfs/breakthrough.pdf (дата обращения: 02.03.2015).

15. *Steuter E.*, *Wills D.* At War with Metaphor: Media, Propaganda, and Racism in the War on Terror. Lanham, Plymouth: Lexington Books, 2008. 245 p.

M.A. Guleva*

“Hands off China”: Chinese friends and foes in “Krokodil” magazine (1922–1950)

ABSTRACTS: The article deals with the mechanisms of picturing Chinese events in Soviet satirical press basing on the materials of “Krokodil” magazine. It follows the evolution of USSR’s ‘friends’ and ‘foes’ in China during the first three decades of the magazine’s existence. Highlighted are the typical attributes in the imagery of particular figures in the Republic of China (Chiang Kai-shek, Pu Yi, etc.) and whole groups of people.

KEYWORDS: Republic of China, “Krokodil” (“Crocodile”) magazine, political cartoon, Pu Yi, Kuomintang, Chiang Kai-shek.

* Guleva Maria Anatol’evna, Post-graduate student, International Relations Department, Institute of International Educational Programs, St. Petersburg State Polytechnic University (St. Petersburg, Russia); E-mail: mangul@mail.ru